

**Мария
Стародубцева
с. Кытманово,
Алтайский край**

Путь домой

Повесть

Глава 7

Конец июля встретил нас долгожданными проливными дождями. Мы, как обычно, застигнуты врасплох: только что была жара, тридцать четыре градуса, все окна в квартире распахнуты настежь, сетки стоят, тем не менее в доме вагон комаров и мух, наверное, они научились просачиваться сквозь стены; в каменном здании душно, в пыли сидят мухи, моем квартиру каждый день – мать научила меня по верёвкам двигаться на пару с мокрой тряпкой и тыкать ею во все углы; холодильник полупустой, кроме воды и лимонадов всех видов, там ничего нет, есть неохота, только пить, и вот пожалуйста – дождь!

За три минуты небо потемнело, поднялась пыльная буря, и над нами загрохотало. Мать встревоженно просит меня отойти от окна и отключить телефон от розетки, где он уже третий день заряжается. А я, наоборот, открываю окно и высовываюсь туда чуть ли

не наполовину, говоря матери, чтобы она зря не парилась. В жизни, как под дождём, бывают моменты, когда тебе уже всё равно. Высунувшись над землёй на уровне пятого этажа, я задираю голову вверх, под дождь, и ловлю его крупные тяжёлые капли ртом, как рыба на берегу глотает воздух. Дождь хлещет сверху, только сейчас я понимаю смысл выражения «льёт как из ведра» – это сегодняшний случай.

Гроза над нами, деревья, которые смогли дорасти до наших окон, качаются из стороны в сторону, временами обдавая меня брызгами капель с отполированных дождём листьев, в которых незаметно проскальзывает первая желтизна. Листья желтеют у нас не только от осени и недостатка света, ещё и от излучения, которое используют при разработке залежей бокситов. Раньше я мог увидеть, как после дождя здоровенная лужа у нас во дворе по краям окрашивалась в ядовито-оранжевый цвет, она и сейчас будет такой минут через пять, когда гроза пройдёт.

Грохочет снова, уже чуть дальше, можно залезать обратно. Мать приносит мне полотенце, в которое я и заворачиваюсь, поджав ноги на кресле перед телевизором. Люблю дождь, особенно после такой жары, можно подумать, у нас теперь сезон дождей. Гроза прошла, лучи солнца пригревают мне ноги, значит, сейчас на улице свежо, сыро и резко тянет озоном. Лезу к окну снова, пока мать не видит, – это уже ритуал, оставшийся с детства: озон надо вдыхать полной грудью, чувствуя, как расправляются под ним твои лёгкие и как жадно ты всасываешь в себя этот запах, немного похожий на как-то купленный матерью очиститель воздуха, только что принесённый из магазина, он отдавал точно таким же запахом листвы и земли после грозы, пока не сломался и не стал вонять как сгоревшая крышка.

Мать, обнаружив меня опять торчащим в окне по пояс, уже даже не ворчит, мы по поводу моей любви к грозе цапались долго, пока я не сказал, что торчать на ветру и солнце – это моё личное дело. Моё здоровье – что хочу, то и делаю, и всё. Как же

приятно ощущать ползущие по лицу и мокрым волосам дождевые капли, мёрзнуть на ещё довольно тёплом июльском ветру, но самую малость уже отдающем августовским холодком, вздрагивать, когда такая капля заползает тебе за шиворот и ты ёрзаешь на подоконнике, пытаясь достать до неё пальцами, хихикая своим мыслям.

Дождь, летний дождь после грозы, щедро поливший меня, уставшего и прокалённого жарой насквозь, сильный ветер, почти сдувающий с подоконника, с которого я, перегнувшись вниз, ловлю более тёплые потоки и знаю, что сейчас на меня пялятся все окрестные голуби, мол: что это за новая птица прилепилась к карнизу пятого этажа? Даже лезть обратно в полотенце не хочется, до того прикольно просто сидеть на окне и балдеть от единства с дождём и только что прошедшей грозой. Я запрокидываю голову и чувствую, как греет мне глаза солнце, значит, оно почти над нами, выглядывает сквозь рваные клочья серых туч, летящие по бледно-голубому нежному небу, книзу переходящему в серовато-голубую дымку, ещё немного и солнце опустится за крышу дома, на противоположную сторону, а я сейчас ловлю момент последнего луча, который сегодня упадёт в нашу квартиру.

Рывком соскакивая с подоконника, я по верёвкам быстрым шагом иду к себе в комнату, где комп, сопротивляясь медленному трафику, уже минут сорок грузит аудиокнигу. Наткнулся в Интернете на сайт аудиокниг, очень удобно включать себе голосовой поиск, иногда можно подключать мать, если она не сильно занята. Нагрузил себе аудиокниг штук тридцать пять, только их и слушаю. Телевизор мне неинтересен, там звук только дополнение к визуальной картинке, а здесь звук – это основа, а картинки нет вообще, то есть то что надо.

Люблю аудиокнигу «Избранная», по ней ещё было кино «Дивергент», слушаю её третий раз кряду. Фэнтези про девчонку из какой-то семьи забитых тружеников, решившую пойти против системы и стать лидером целой армии. Сейчас комп пыхтит над загрузкой третьей части книги, сорок

восемь процентов осталось, говорит звуковое оповещение. Мы с Мотором придумали мне на комп оригинальную клавиатуру, Никита сам её и сделал, я подсоединил. Клавиатура с выпуклыми толстыми клавишами, и на каждой клавише буквы такие, чтобы их можно было нащупать пальцами. Накладная клавиатура подсоединяется поверх обычной, каждая клавиша налагается на другую, и их надо сильно нажимать, чтобы был контакт, вообще супер-клавиатура! На рабочем столе я везде включил звук, Никита поставил особое оповещение на каждую папку, я запомнил звуки и теперь могу более-менее быстро переключать окна в компе. Неплохой прогресс, а? Мне только посуду мыть мама ещё не доверяет, говорит, я расколочу ей там всё. Ладно, только погоди, я быстро учусь!

Вчера позвонил Никите, попросил узнать, работает ли ещё наша качалка, тренажёрный зал, куда мы ходили в прошлом году. Мотор сказал, что я отстал от жизни, как «Титаник» от времени прибытия (нет, плохо у него с чувством юмора, точно говорю), и добавил, что сам ходит в качалку не переставая, у него там абонемент, на что я предложил поделить абонемент на двоих и ходить вместе. Он сказал, что заедет за мной, я отказался, сказал, смогу добраться сам, пусть он только скажет адрес. Он говорит, я спятил, я предлагаю спор. Если доберусь до качалки, которая в каком-то спорткомплексе, без приключений, он запишет меня на весь год. Матери толком мы ничего не сказали, у неё ночная смена, она день отсыпалась, а сейчас, в шесть вечера, ушла. Сталелитейная, 52, второй этаж. Насколько я знаю город, это в трёх остановках отсюда, от Виноградской. Да, туда мы и ездили с Гуглом, он ещё стонал, что автобус ходит один, набивается куча народу, а его в суматохе могут затолкать из-за маленького роста, метр с кепкой. Теперь немного легче, я, по крайней мере, могу вспоминать своих друзей без мгновенной дрожи в голосе и говорить о них, чем мы с Никитой иногда и занимаемся.

Учитывая, что по этой дороге я отмахал в школу одиннадцать лет, ноги сами несут

к остановке. Главное держаться стен и не падать в люки, ну, они заварены плотно, мать сказала, ни одного открытого не видела. Так, и почти не пользоваться костылём, это уже принцип. Костыль меня достал по горло, трогать его не могу. По ощущениям всегда был визуалом, теперь вот поневоле превратился в кинестетика. После очередного дождя на улице свежо, прохватывает ветер, даже сквозь спортивную ветровку, оставшуюся у меня с каких-то соревнований, нам их там дарили за победу. Держась у стен домов, которые идут почти сплошняком, удаётся не врезаться в прохожих и в столбы, только спотыкаюсь об рытвины и довольно глубокие ямы в асфальте. Эта полоса препятствий на местном языке именуется тротуаром, оборудованным для пешеходов. Когда ты видишь ухабы, ты их обходишь и забываешь о них, а вот когда ты в них падаешь на каждом шагу...

Странно слышать город, но не видеть его. Маленький, окружённый скалами древнего хребта, упрямо ползущий на склоны холмов, прокалённый солнцем город, пропахший бензином, жарой и посаженными повсюду для очистки воздуха и совести администрации цветами. Тонкий, усиленный ветром аромат цветущих сорняков, без которых жить не может моя мать, её бы сейчас сюда, и голова бы лопнула от лекции по ботанике. Мимо снуют люди, обтекая меня нестройной редкой толпой, на перекрёстке стоят машины самых разных цветов и марок, ожидая сигнала, чтобы выжать сцепление до упора. Иногда я натыкаюсь на свисающие почти до земли ветки деревьев, и упругие листья щекочут меня, а я закрываюсь от них рукой.

Не имея возможности увидеть мир, можно просто вообразить его себе, забыв на пару секунд, что ты чем-то отличаешься от окружающих тебя беззаботных парней и девушек. Мы все таим под улыбками и бабочками неведомые глубины души, где прячутся вымершие для всех, кроме нас, птеродактили, именуемые мечтами и надеждами, но, выйдя на свет, мы прячем свои переживания куда подальше. Неписаное правило

города: обезличение и улыбка. Улыбайся, поддайся невесомости и забудь обо всём, ты на улице города, пышущего свежей после дождя зеленью, ты свободен как птица, ты такой же как все и всё же другой. Я этого не просил, но если мне судьба дала в руки такую карту, почему бы не разыграть её?

Невольно улыбаюсь, вспомнив, как мы мухлевали в покер на камнях заброшки в паре кварталов отсюда, мы с пацанами в средней школе бегали на заброшенную стройку каждый вечер, пока не ложился снег, и резались в карты, забыв обо всём. Гугл и я играли против Мотора и Геринга, играли на сигареты, которые потом выменивали у соседской шпаны на мелочь, бежали к фонтанам и вылавливали оттуда деньги, покупали себе колу и улетали в космос, развалившись на ещё тёплых камнях стройки и глядя, как медленно скрывается за темно-зелёными высоченными берёзами оранжевое солнце. В покер, кстати, мы выигрывали, я подсовывал краплёные карты (зря, что ли, сидел над ними по неделе?), а Геринг лез в драку, обнаружив очередной проигрыш. Драться против Геринга было нереально, он отправлял в нокаут за секунду, а вот бегать не мог, и мы с Гуглом гоняли его по стройке до полуночи, оглашая пустынные окрестности громкими воплями. Теперь там магазин, а чуть дальше, прямо в черте города, начинаются разработки месторождений руды.

Автобусная остановка угадывается по говору людей и лёгким фанерным стенам. Хорошо, не пришлось перебираться через дорогу, на светофоре звуковые оповещения не предусмотрены. Иду на говор, кажется, рядом стоят две женщины и обсуждают новые повышения цен на продукты. Шум колёс, подходит автобус. Давай, Виктор, шепчу я себе, это твой момент истины. Сможешь ты свободно двигаться по улицам или нет?

– Извините, – окликаю я тёток, – это подошёл не семнадцатый номер?

– Нет, двадцать восьмой, – говорит женщина, наверняка скользнув по мне взглядом, и возвращается к обсуждению цены на

крупу. Естественно, она ничего не заметила, и что тут заметишь? Парень как парень, в красных шортах, майке и чёрной спортивной ветровке, немного, правда, неувереннодвигающийся – ну и что? Номер спрашивает, наверняка прозевал автобус, уткнувшись в телефон, и не заметил. Есть, первая битва выиграна!

Второй раунд начинается сразу же, в подошедшем наконец автобусе. Цепляясь за дверь, я кое-как забираюсь в него, пару раз споткнувшись, хватаюсь за поручень. В автобусе тихо, голоса слышны только в дальнем углу, дыхания и возни тоже не слышу, значит, автобус идёт с начальной и ещё не заполнен. Нашупываю ближайшее место, пустое, сажусь к стене, вернее к окну, готовлюсь отсчитывать три своих остановки. Автобус ещё стоит, в него набиваются люди. Он трогается, людей уже полно, духота и вонь солярки, которая, кажется, течёт. Солярка перемежается с дешёвыми духами, заgrimированными под жасмин, а на деле представляющими из себя вонь потного тела, обильно политого спиртом. Сижу, ухмыляюсь своим мыслям, делаю вид, что внимательно смотрю в окно. На светофоре автобус останавливается, вроде на светофоре, дверь он не открывает. В лицо мне кто-то жарко дышит. Люди переговариваются.

– Нет, ну какая наглость! Я ему машу, а он даже ухом не ведёт! – резкий окрик какой-то женщины выводит меня из задумчивости. Интересно, почему скандалы всегда поднимают именно женщины, делать им нечего, что ли? – Молодой человек, – с презрительной вежливостью говорит она, – перед вами старушка стоит, уступите место!

Значит, это старушка дышит мне в лицо?

– Извините, вы это мне? – неуверенно спрашиваю я, вглядываясь в том направлении, откуда идёт голос.

– Тебе, тебе, малолетка, – ворчит над ухом недовольный бас. – Уступи, пока она не всполошила тут всех, давай, постоишь, не умрёшь!

– Да мы тут стоим, – распаляется кто-то ещё, – взрослые, даже пожилые люди, а он расселся!

Кто-то машет мне рукой перед глазами, в лицо ударяет ветерок, вызванный резким взмахом.

– Слепой, что ли? – огрызается тётка. – Не строй из себя, притворяется он тут ещё! Вы поглядите, он и смеётся над нами!

Смеюсь я от радости, они ничего не поняли. Ничего не заметили, признали меня таким, как они, только наглым нахалом, но мне на это наплевать. Однако слушать их мне тоже надоело, автобус уже останавливался дважды, сейчас моя остановка.

– Хорошо, я встану, – спокойно говорю я, внутренне сотрясаясь от смущения, озлобленности и обиды. – Тем более мне сейчас выходить. Но сядет сюда только тот, кому не будет стыдно за свои слова.

Калека имеет право на маленький фокус.

– Ты ещё поучи нас! – ворчит тётка. – Садитесь, бабушка... – И осекается на последнем слоге слова «бабушка», глядя, как я цепляюсь за поручень, ища его в воздухе, чтобы встать, как, ошалев от неловкости, натыкаюсь на пассажиров, пока иду к выходу, вглядываясь в них пустым невидящим взглядом. В автобусе повисает тишина, кажется, они стараются расступиться, пока я протискиваюсь сквозь них. Уже вылезая, я слышу недовольное ворчание:

– Мог бы собаку завести для опознания. Слепым вообще нельзя ездить вместе с нами!

Интересно, с кем это – «с нами»? Я ехал с ними пятнадцать минут, и ни одна жирная тётка не заподозрила подвоха, а тут раз – и скандал: «какая мерзость, с нами ехал калека!» Новая раса появилась – пассажиры маршрутки, надо же!

– Извините, скажите, пожалуйста: где здесь спорткомплекс инженерного училища? – спрашиваю я первого попавшегося прохожего. Я слышу людей, когда они идут мимо, они обдают меня холодом от быстрого перемещения воздуха. Это даже прикольно. Проблема только не врезаться в деревья – и зачем их столько посадили? Я знаю эту улицу, здесь на небольшом холме растут громадные старые тополя. В сильный ветер они раскачиваются, угрожая рух-

нуть на проходящую внизу дорогу, но никто не хочет их рубить. С них падают ветки, раз такая ветка ударила Мотора, в том году, он с шишкой ходил. На Мотора вообще часто что-то падало, зимой, например, с крыши на него свалился большой пласт снега. Мы там шли вчетвером, но угодил под сугроб именно Мотор, уверовавший в тяготеющее над ним проклятие притяжения несчастья и собиравшийся бежать к гадалке. Мы его успокоили, сказав, что сами снимем «чары», вызвав какого-нибудь демона. Сидели до трёх утра, вызвали только тараканов, которые наползли на забытую на столе еду. Короче, когда из бутерброда Мотора, который он поднёс ко рту, выскочил таракан, проклятие вернулось, а мы с Герингом бились в конвульсиях на полу, глядя на бегущего по комнате общаги Никиту, посылавшего таракана, нас и бутерброд.

– Вот он, перед вами, – отвечает проходжий, оказавшийся девушкой. Интересно, как она выглядит? Хорошо, если красивая, то есть брюнетка с большими глазами, а не крокодил-блондинка. Терпеть не могу блондинок, а вот Гугл их обожал.

– А можете сказать точнее, в какую сторону мне идти?

Наверно, она сейчас смотрит на меня как на психа или пьяного, судя по её секундному замешательству. Думает, что же свалилось на её голову. А может, ей до меня вообще дела нет.

– Ну, – она запнулась, – идите прямо вперёд, там лестница и дверь, она одна, не ошибётесь.

– Спасибо.

Кажется, она шархнула от меня и быстро отошла в сторону. Ну и ладно! До здания я добираюсь без приключений, держась стены соседнего дома. В раздевалке спрашиваю, где тренажёрный зал и где лестница на второй этаж. Там ощупью иду до двадцать второго кабинета, значит, отсчитываю примерно пять дверей, пока не упрусь в нужную. На ней табличка, но цифры я не разбираю. Толкаю дверь.

– Та-дам! – орёт Мотор на полздания. – Пацаны, это Витёк, и он только что выиграл

пари! Витёк, иди сюда, я тебе беговую дорожку забил. Парни, вы знаете, у Витька есть подвох! Он самый зашибенный парень с нашего двора, и он фокусник. Кстати, Витёк, ты опоздал на девять минут.

– Да ладно, Ник, – я включаюсь в игру, становясь на дорожку, пока он её настраивает, – ни за что не догадаются.

Мотор тихо шепчет:

– Вить, дорожку настроил, сейчас пойдёт сначала медленно, потом быстрее, ну ты знаешь. Вот ручки, держись за них. Не свались, – ехидно добавляет он.

Кто-то заинтригованно говорит:

– Никитос, не томи душу. Витёк, что с тобой?

– А на что похоже? Чего он тут наболтал, пока меня не было? – откликаюсь я, начиная бежать по дорожке, вцепившись в поручни. Ноги с непривычки быстро устают и начинают ныть. Ну уж нет, я не уходил с дорожки раньше чем через полчаса, и я их отбегаю! Пускай ноют, меня это не интересует!

– Ну, он сказал, ты тоже был тогда в автобусе, – говорит невидимый парень. – Кстати, я Женька, можно Жека.

Мотор, значит, про своё участие в аварии разрезвонил всему городу, превратив себя в бренд. Хороший ход, ничего не скажешь. Надо поддержать легенду.

– Да, я там был, сидел на соседнем месте с Никитой, – важно говорю я, отбивая дробь ногами на дорожке, ускорившейся примерно до тридцати пяти километров, то есть на одной из самых медленных скоростей. – Мы ещё перед отъездом купили по бутылке пепси, – добавляю я шокирующих подробностей. – А потом мы взорвались, он отделался рукой, которая у него теперь, как у старца, а что со мной вы реально не догадаетесь.

Мотор ржёт, явно демонстрирует собравшимся свою руку и подтрунивает над Жекой, который, как я чувую, стоит у моей дорожки и изучает меня взглядом. Ну, со стороны кажется, что мы играем в гляделки, я даже моргаю для приличия, изображая заинтересованный взгляд. Жека в замешательстве, он никак не может понять, что со

мною не так, я ржу уже в голос, еле удерживаясь на дорожке. Он выдаёт одну версию за другой.

– Тебе ноги отрезало?

– Я на них бегаю, холодно, как в детской игре. Валяй дальше.

– Паралич? – тычет бедняга пальцем в небо. Наверно, мозги у него сейчас плавятся.

– Ну я же двигаюсь, – невозмутимо говорю я. – Подсказка... А, нет, не буду подсказывать.

– Не знаю, – сдаётся Жека, – может, ты вообще врешь!

– Вить, скажи ему, – смеётся с соседнего тренажёра Мотор, – он до утра будет думать.

– Ладно. Жека, я тебя не вижу. Как и всех остальных, – будничным тоном выдаю я, переключая скорость на дорожке на сорок километров. Чёрт, как же приятно снова ощущать боль в ногах и струящийся по телу пот. Несколько тренировок и я приду в форму.

– В смысле, не видишь? Прямо совсем? – переспрашивают несколько человек. – Как Сорвиголова из комиксов?

– Точно, отвечаю, – говорит Мотор. – Ничего не видит. И по ночам гоняется за бандитами, как Сорвиголова. Всех уже достал своими бандитами. – Нет, ну как начнёт Мотор прикалываться, всё, пиши пропало, не остановится.

– Стоп, – говорит Жека, – а как ты сюда пришёл? Парни, вы нас накалываете!

– Приехал на автобусе, – говорю я, и с третьего раза мне удаётся их в этом убедить. Приходится слезть с дорожки, блин, чуть не падаю с непривычки, и идти показывать, как быстро я могу бегать по улице, держась стен. Парни восхищённо свистят, Мотор смеётся и хлопает меня по плечу так, что оттуда, наверно, пыль летит, Жека долго жмёт нам руки.

– Ну, парни, вы даёте, – взволнованно тараторит он, – как в кино! Ладно ты, Мотор, у тебя рука сухая, зато ноги штангу поднимают, но ты, Вить, вообще жесть! Реально круто!

Домой мы идём вместе с Мотором, который орёт на всю улицу, что мы теперь

звёзды местного масштаба, а я, отчаявшись его утихомирить, кричу и смеюсь вместе с ним.

Дня за три я выучил дорогу и теперь добираюсь до качалки более-менее свободно. Парней из тренажёрки зовут Стас, Игорь и Тимур, это постоянные завсегдатаи, плюс мы с Никитой, больше туда просто не помещается. Я забил себе место на беговой дорожке и на штанге, качаюсь на них, Мотор поднимает гантели, Жека крутится на каких-то дисках, мы врубаем на полную музыку в Женькином магнитофоне. Крохотный зал тёплый, пропахший потом, кофе и наполненный отличной музыкой под принесённые Стасом бутылки с пепси. Как мне сказали, окно здесь одно, временами его открывают заядлые курильщики вроде Никиты с Жекой и наслаждаются несколькими затяжками. Другие балдеют на тренажёрах, соревнуясь в том, кто больший груз поднимет ногами. Пробовал, больше двадцати пяти килограммов пока ещё не тяну, ноги начинают болеть в местах переломов, Тимур выжимает все шестьдесят, страшно даже представить, как он выглядит, хотя Никита описывает его как коренастого волосатого бугая, а самые высокие здесь мы с Жекой, оба метр девяносто. Жека раньше тоже был в баскетболе, потом ему надоело, и после академии он пытается устроиться инженером на завод. Мотору пришёл ответ из его фирмы, берут с распростёртыми объятиями. Это наше лето, последнее лето перед работой, подвешенное и маргинальное, особенно для меня. Нас объединяет спорт, который мы все обожаем, и ещё триллеры, которые иногда приносит Стас, а Мотор мне их переводит, обычно в стиле: «всех убьют, но зачётная красотка выживет» или наоборот. А на улице снова установилась калёная уральская жара, благодать!

Больше произведений автора
по ссылкам

proza.ru/avtor/maria70
stihi.ru/avtor/snegova1